

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I

годъ девятый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1899

Четыре сказки Минусинскихъ инородцевъ.

1.

Кара-ханъ (черный ханъ) и Пай-Бигъ (богатый чиновникъ).

(Записана со словъ качица-инородца Николая Тимофеевича Щетинина. Спиринъ улусъ близъ озера Шира).

Кара-ханъ и Пай-Бигъ жили недалеко другъ отъ друга. У каждого изъ нихъ было по одному сыну, а также множество скота, денегъ (капиталу), такъ что они были богаче всѣхъ на свѣтѣ. Они никого не знали старше себя,—ни чиновниковъ, никого, кромѣ самихъ себя. Нѣкоторое время они прожили въ спокойствіи, какъ вдругъ къ Карапану явился незнакомый гость на парѣ вороныхъ лошадей, въ позолоченой каретѣ, съ богатой сбруей на лошадяхъ. Гость этотъ тоже былъ какою-то ханъ, старый уже человѣкъ, но ни Карапанъ, ни Пай-Бигъ никогда отъ рода его не видывали и ничего о немъ не слыхивали. Съ нимъ прїѣхало еще двое слугъ мужчинъ. Гость зашелъ къ Карапану, поздоровался и вступилъ въ разговоръ. «Я прїѣхалъ къ тебѣ и Пай-Бигу, сказалъ незнакомецъ Карапану, чтобы взять у васъ обоихъ сыновей къ себѣ въ обученіе». Карапанъ отвѣчалъ на это: «Зачѣмъ же намъ дѣтей въ обученіе давать, мы и такъ хорошо здѣсь живемъ». Затѣмъ гость и хозяинъ разговорились обѣ именахъ и гость назвалъ себя Сарыхъ-ханомъ (желтымъ, бѣло волосымъ ханомъ). Скоро Сарыхъ-ханъ снова началъ просить отдать ему дѣтей обучить грамотѣ, потому что худо имъ жить безъ грамоты, и даваль обѣщаніе привезти ихъ потомъ обратно. Но Карапанъ все таки не соглашался отдать дѣтей. «Если добромъ не отадите, сказалъ тогда гость, то возьму ихъ силой. Пошли-ка къ Пай-Бигу, пусть онъ привезетъ сюда своего сына и благословить его». Карапанъ пораздумалъ и испугался, видѣть—никакъ не отѣлаться ему отъ Сарыхъ-хана. Послалъ онъ къ Пай-Бигу, чтобы тотъ вель своего сына. Посланный прїѣхалъ къ Пай-Бигу и велѣлъ ему благословить и везти сына: прїѣхалъ-де какой-то непрѣдѣльно известный человѣкъ и заставляется отдать ему дѣтей на обученіе. Пай-Бигъ снарядился, взялъ съ собой мальчика и бураго коня.

Прїѣхалъ онъ къ Карапану, вошелъ въ юрту, поздоровался.

Сарыхъ-ханъ и говорить ему: «Прїѣхалъ вотъ я къ вамъ, чтобы взять у васъ дѣтей и обучить ихъ грамотѣ». Пай-Бигъ отвѣчалъ на это: «Нельзя-ли такъ обойтись, чтобы не давать тебѣ на обученіе нашихъ дѣтей?» «Никакъ нельзя этого сдѣлать. Лучше благослави-ка своего сына, а потомъ, какъ обучу его, привезу обратно къ тебѣ». Карапанъ сталъ совѣтываться съ Пай-Бигомъ: чѣмъ бы благословить дѣтей. Карапанъ такъ и не нашелъ чѣмъ благословить своего сына, а Пай-Бигъ благословилъ своего сына тѣмъ бурымъ конемъ, котораго взялъ изъ дома и передалъ его вмѣстѣ съ мальчикомъ Сарыхъ-хану. Онъ взялъ обоихъ дѣтей, снарядился въ дорогу, распостился, взялъ своихъ слугъ и уѣхалъ въ карету.

Не успѣлъ никто глазомъ моргнуть, карета и сидѣвшіе въ ней исчезли изъ виду, и никто не зналъ, откуда они взялись и куда скрылись.

Много-ли, мало-ли проѣхалъ Сарыхъ-ханъ, наконецъ доѣхалъ до своей юрты, а Карапанъ и Пай-Бигъ остались у себя безъ дѣтей. Мальчики выскочили изъ кареты, посмотрѣли кругомъ, видѣть—всѣ постройки у Сарыхъ-хана каменные. Имъ въ диковину это, они бѣгаютъ, на все засматриваются. Сарыхъ-ханъ привезъ ихъ въ свою юрту и началъ угождать. Вытащила повариха имъ человѣчью голову на кушанье. Вотъ вамъ мое кушанье, сказалъ Сарыхъ-ханъ. Теперь вы сдѣлались моими сыновьями. Отѣдайте же его». Сѣли мальчики за столъ, другъ на друга посматриваютъ: и єсть не рѣшаются, да и ослушаться боятся. Сидятъ себѣ оба печальные, пригорюнившись. Встали изъ за стола голодомъ, пересѣли на лавку, ничего не пѣвшіи. Сарыхъ-ханъ тотчасъ же распорядился вести Карапанова сына въ училище.

А училищемъ у него называлась особая комната, которая находилась по близости. Пришло двое слугъ, взяли мальчика, раскрыли двери и столкнули его въ училище. Смотреть мальчикъ и видеть — подходить къ нему учитель, черный-пречерный, страшный-предстрашный, на видъ, какъ цыганъ. И сказалъ ему учитель: «Гораздо лучше учить мальчиковъ, а то приведутъ девочекъ, тѣ и одного удара не выдерживаютъ и приходится ихъ живыми отиускать назадъ. Чѣмъ же тебѣ благословилъ отецъ?» спросилъ потомъ учитель. Мальчикъ отвѣчалъ, что не знаетъ, потому что отецъ ничего ему не говорилъ обѣ этомъ. «Если же такъ, продолжалъ учитель, то не знаю — выдержишь ли ты ученье». Затѣмъ положилъ его на собою стойку спиной кверху, хлестнулъ вѣсколько разъ желѣзнымъ прутомъ, а вѣдь мальчика и духъ воинъ. Отнесли его къ Сарыхъ-хану и начали жарить. Потомъ отвели въ училище и Пай-Бигова сына. Едва только онъ вошелъ туда, какъ и его учитель спросилъ: — «Благословлять ли тебя чѣмъ, нибудь отецъ?» «Не знаю, благословлять ли онъ меня, отвѣчалъ мальчикъ, знаю только, что сюда со мной былъ отправленъ копь, — вѣроятно это и есть благословеніе». Учитель взялъ и его, положилъ точно также на стойку и началъ наносить ему удары. Мальчикъ выдержалъ это испытанье, только едва живъ остался. Отнесли его къ Сарыхъ-хану, а тотъ и говорить: «Отцовское благословеніе всегда спасаетъ. Карапахановъ сынъ вотъ не выдержалъ, а тебя отцовское благословеніе спасло». Потомъ Сарыхъ-ханъ распорядился отвести мальчика во второе училище. Его снова привели въ другую отдельную комнату и тамъ заперли. Видѣть мальчикъ — никого въ комнатѣ неѣть, а между тѣмъ слышится чей-то голосъ. «Садись, говорить неизвѣстный голосъ, вотъ на этотъ стулъ, сдѣланный изъ плиты, и держись крѣпче! «Оглянулся я мальчикъ кругомъ, голосъ ясно слышится, а никого неѣть. Сѣлъ онъ на стулъ и взругъ въ комнатѣ поднялась непогода, вѣтеръ и морозъ такие, что терпѣть нельзя. Трудно было мальчику все это выдержать, но онъ все таки выдержалъ. Наконецъ, прошла непогода, прошелъ морозъ и вѣтеръ и на смѣну имъ наступила невыносимый жаръ. А мальчикъ сидѣть себѣ на стулѣ и всѣ силы свои собралъ, чтобы выдержать. Вынесъ и жаръ, а неизвѣстный голосъ снова раздался и говорить: «Ведите его теперь къ Сарыхъ-хану — кончилъ онъ свое ученье». Привели мальчика къ Сарыхъ-хану и тотъ похвалилъ его. «Молодецъ ты, сказалъ ему, вотъ теперь ты будешь моямъ дѣтищемъ». И снова угощаетъ его прежнимъ кушаньемъ. Мальчикъ сѣлъ за столъ «но есть кушанье все-таки не рѣшился, и думаетъ про себя: не буду я есть твоего угощенія, Господь (?) поможетъ мнѣ. Прежнее выдержалъ, такъ и еще смогу выдержать. А самъ между тѣмъ береть мясо отъ Сарыхъ-хана, разрѣзываетъ его и прячетъ на себѣ, но не есть. Потомъ всталъ и поблагодарилъ хозяина. А тотъ снова велѣлъ своимъ слугамъ вести его въ третью училище. Повель старикъ-слуга мальчика и привель въ третью комнату, а въ ней и потолка неѣть, и стѣны неизвѣстно гдѣ прошли, и вся комната точно улица въ длину вытянулась. По улицѣ тропинка проходитъ, а около нея сидѣть старуха и переливаетъ молоко изъ одного ведра въ другое. Дѣла настоящаго не дѣлаетъ, а только мучится. «Что же такъ мучается эта старуха?» спрашивается мальчикъ у своего спутника. — «Она продавала на томъ свѣтѣ молоко пополамъ съ водой», отвѣчаетъ тотъ, — вотъ ей это теперь и наказанье за грѣхи». Они прошли дальше мимо старухи и встрѣтили мужика, который пытался утащить за верхушку выдернутое съ корнемъ дерево и никакъ не могъ сдвинуть его съ места. «Что онъ здесь дѣлаетъ?» Снова спрашивается мальчикъ у спутника. — «Онъ укралъ дрова на томъ свѣтѣ и вотъ теперь несетъ за это наказаніе». Еще дальше имъ попался на встрѣчу богатый мужикъ. Бѣжитъ онъ лицомъ внизъ, а рядомъ съ нимъ стоять конь съ серебрянымъ сѣдломъ и сбруей. У мужика на шеѣ надѣть серебряный крестъ, и кто-то схватилъ его за крестъ и тянетъ внизъ. «Это, сказалъ мальчику его спутникъ одинъ богатый человѣкъ; при жизни на этомъ свѣтѣ, онъ обижалъ бѣдныхъ, за это его теперь и тянутъ на судъ». Прошли си еще немнога и на этотъ разъ увидали целую толпу людей; одни изъ нихъ играли въ карты, другіе бились обѣ закладъ, среди третьихъ шли конские бѣга. «Все это также души людей, сказалъ старикъ мальчику, все они на томъ свѣтѣ были охотниками до картъ и закладовъ». Въ концѣ концовъ они подошли къ лѣстницѣ, на каждой ступени которой лежало по книгѣ. «Поднимись

вверхъ ко этой лестницѣ, сказъ старикъ, и читай эти книги. Въ нихъ на языкѣ различныхъ итицъ и звѣрей написано обо всемъ, что есть на свѣтѣ! Мальчикъ такъ и сдѣлалъ и вачаль сразу безъ всякаго труда и науки узнавать обо всемъ, что есть на свѣтѣ: про моря, лѣса, горы, про звѣрей, итицъ и людей. Поднялся онъ на самый верхъ лестницы и видѣть—лежить тамъ большая книга, книга Божественная. Онъ взялъ, оторвалъ два листа отъ этой книги, заложилъ ихъ за пазуху и вернулся назадъ къ Сарыхъ-хану. «Теперь ты будешь моимъ настоящимъ сыномъ», сказъ ему Сарыхъ-ханъ, можешь вѣдать всѣми моими богатствами, скотомъ и всѣмъ распоражаться. Прежде всего садись честь». А мальчикъ знаетъ уже чѣмъ его будуть кормить и отказывается заранѣе. «Если не хочешь есть, то иди—садись на своего бурого коня». Мальчикъ вышелъ во дворъ и видѣть, что его бурый конь стоитъ тамъ весь похудѣвшій и изсохшій. Жаль ему стало коня, онъ ходить около него, плачетъ втихомолку, но другимъ и вида не подаетъ. Откошилъ коня и побѣжалъ по степи, окружавшей улусъ Сарыхъ-хана. Видѣть, весь скотъ, что ходить по ней, совсѣмъ осѣбеный. Прѣѣхалъ къ морю. Около берега стоять толстый тополь. Мальчикъ подѣхалъ къ нему поближе и видѣть—сидить на немъ дѣвочка хорошенъкая и молоденъкая. Какъ только онъ увидалъ ее, тотчасъ же очень обрадовался и сразу влюбился въ нее. Поровнялся съ деревомъ, поздоровался и спрашивается: «Какъ же ты, дѣвушка, попала сюда?» «Такъ же точно, какъ и ты сюда попалъ, отвѣчала дѣвочка. Привезли меня сюда отдали въ училище, а учитель не принялъ къ себѣ и прогналъ. Вотъ теперь я и мучаюсь здѣсь и не знаю какъ выбраться отсюда». Мальчикъ, котораго звали «Каракуревъ (чернобурый) аттыгъ (конь), канигъ (кровавая) кылыс (сабля)», отвѣчалъ на это дѣвочкѣ, имя которой было ·канъ (кровь) нарыгъ (чистая): «Я пребуду здѣсь очень недолго,—много, если почую двѣ ночи; меня здѣсь теперь вѣдь никто не держитъ, я могу исполнить все, что бы ни захотѣль и уйду отъ Сарыхъ-хана». А самъ про себя думаетъ: теперь мнѣ все открылось: и вода, и огонь, и лѣсъ и звѣри я обучился всему, понимаю ихъ вполнѣ и они не въ состояніи меня удержать. Канигъ-кылысъ посадилъ дѣвушку къ себѣ на коня, и они вмѣстѣ уѣхали изъ сарыхъ-ханова царства на свою родную сторону. Вскорѣ они подѣхали къ морю, прямо въ воду и переплыли море. Только что они выѣхали на берегъ, глядь, а Сарыхъ-ханъ уже тутъ какъ тутъ, успѣль впередъ ихъ доѣхать и караулить, поджидаетъ ихъ. Канигъ-кылысъ тотчасъ же спустилъ дѣвушку на землю, а самъ обернулся мелкой рыбой и ушелъ обратно въ море. Сарыхъ-ханъ, превратился въ щуку и отправился въ потопъ за мелкой рыбой, но поймать ее не могъ. Видѣть Канигъ-кылысъ, что нѣть Сарыхъ-хана въ водѣ и рѣшился выйти на берегъ. Оглянулся кругомъ, видѣть—никого нѣть: ни Сарыхъ-хана, коня же своего онъ раньше превратилъ въ дудку. Взялъ онъ его теперь, сѣль и перебѣжалъ черезъ высокую гору. На другомъ ей склонѣ сѣль замѣтилъ небольшой станъ и въ станѣ шалашъ. Онъ подѣхалъ къ стану и увидалъ въ немъ ту дѣвушку, которая съ нимъѣхала. «Гдѣ же нашъ дѣдушки?» Спросилъ онъ у нея. Она отвѣчала ему: «Его здѣсь давно уже нѣть, онъ отправился на твою сторону и многихъ людей схватилъ тамъ—и большихъ, и дѣтей,—все тебя ищетъ. Послѣ твоего отѣзда на горѣ, что около твоего улуса, выросла берѣзъ; старикъ догадливъ и вотъ теперь началъ рубить эту березу. Ноѣзжай туда сколько ему рубить, потому что какъ только онъ срубить березу, ты потерпишь все свое знаніе». Канигъ-кылысъ удариль своего коня по-богатырски и пустился въ путь. Много ли, времени онъ проѣхалъ, наконецъ доѣхалъ до своей стороны и увидалъ, что Сарыхъ-ханъ рубить березу. Пока онъ подѣхалъ къ нему, тому удалось срубить и свалить березу. Канигъ-кылысъ тотчасъ же почувствовалъ, что все то что онъ зналъ прежде, пропало у него и онъ сталъ совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Сарыхъ-ханъ сказъ ему тогда: «Напрасно, сынокъ, ты захотѣль быть умнѣе меня. Ноѣдемъ-ка снова назадъ». Но Канигъ-кылысъ отвѣчалъ на это: «Пойдемъ сперва въ улусъ, я прошусь съ отцомъ—матерью и тогда пойду съ тобой», Сарыхъ-ханъ согласился и они направились въ улусъ. Когда они вошли въ юрту, то застали всѣхъ родственниковъ въ слезахъ. Когда же Канигъ-кылысъ простился со своими родными, Сарыхъ-ханъ приказалъ своимъ слугамъ отвести его

въ карету иѣхать обратно. Слуги схватили Каиныгъ-кылса за руки и повели къ каретѣ, онъ же вырвался отъ нихъ, побѣжалъ впередъ, сѣлъ въ карету, вынулъ тѣ два листа, которые взялъ изъ божьей книги и положилъ ихъ на спину лошадямъ. Сарыхъ-ханъ выбѣжалъ вслѣдъ за нимъ, но никакъ не могъ подойти ближе: ему мѣшало Божье писанье. И вотъ онъ началъ ходить вокругъ своихъ лошадей и просить изъ милости: «Отпусти только меня и моихъ лошадей, самъ же оставайся, гдѣ хочешь». Каиныгъ-кылсы сказалъ на это: «Я отдамъ тебѣ пару твоихъ коней, если ты скажешь мнѣ, чего ты и подобные тебе боитесь здѣсь». Сарыхъ-ханъ отвѣчалъ: «Боялся мы того шамана, который появится въ твоемъ родѣ и не будитъ пускать насъ сюда». А еще чего вы боитесь?

«А того вашего познанія, которое находится на листкахъ, что лежать на лошадяхъ». Каиныгъ-кылсы всталъ тогда, взялъ эти два листа, положилъ ихъ себѣ въ карманъ и вернулся въ юрту, Сарыхъ-ханъ же уѣхалъ со своими слугами обратно въ свое царство. Каиныгъ-кылсы остался жить въ своемъ улусѣ. Вскорѣ онъ вспомнилъ про ту дѣвушку, которая осталась на дорогѣ, и побѣхалъ за ней; привезъ онъ ее въ улусъ, взялъ за себя замужъ и стали они жить вмѣстѣ. Тѣмъ временемъ отъ какого-то человѣка народился шаманъ, началъ шаманить и отправлять обратно къ Сарыхъ-хану всѣхъ тѣхъ, которые приходили отъ него. Отъ прогналъ ихъ всѣхъ и больше ему нечего было дѣлать. Поэтому онъ началъ подниматься вверхъ, но это не понравилось Богу и, онъ отослалъ его назадъ, повелѣвъ оставаться на землѣ, а не подниматься къ небу. Шаманъ упалъ прямо на землю и сталъ жить на ней, какъ и другіе люди, гдѣ и сейчасъ такъ живетъ.

2.

(Записано со словъ Н. Т. Щетинина).

Однажды Богъ собралъ птичій сходъ, для того чтобы выбрать птицамъ чиновника. Собрались все птицы и только не оказалось одного липпъ коростеля (терахзахъ), что по травѣ бѣгаєтъ. Птицы подождали его, и когда онъ черезъ нѣсколько времени явился, начали выговаривать ему: все-то ты мѣшкаешь и долго сходъ держишь. Коростель отвѣчалъ имъ на это: «Хорошо вамъ всѣмъ, что вы сильныя и можете летать, а у меня совсѣмъ силы нѣтъ. Только я полечу, а на встрѣчу май ударить ногода, я и оставлюсь, спрячусь въ траву и жду; потомъ снова лечу. Вотъ наконецъ и долетѣть». Птицы начали разсуждать и выбирать себѣ чиновника. Журавль сказалъ: «Выбирайте меня, я высокій и длинный, выше всѣхъ вѣсть и могу служить чиновникомъ. Коростель же сидѣлъ въ это время у порога и сказалъ на это: «Журавлиныя долгія ноги не найдутъ пути-дороги, не стонѣтъ выбирать его,ничега-то онъ не сдѣлаетъ!». Журавль разсердился на это, подбѣжалъ къ коростелю, ударилъ его въ ногу и переломилъ ее. Коростель сталъ съ тѣхъ поръ хромымъ. Началь онъ жаловался и просить суда: «Миѣ говорить, не долетѣть теперь до теплыхъ морей, журавль меня изувѣчилъ. Остальная птицы признали журавля виновнымъ и присудили его носить коростеля на себѣ до теплыхъ морей. Чиновникомъ же сдѣлали—алтонь (шестьдесятъ) аймогъ (разныхъ сортовъ) кусъ (птицъ) пазы (голова) алтонь (сизая) чюглюгъ (перья) ала (пестрая) гуса (птица). Затѣмъ птицы разошлись, а черезъ нѣсколько времени у нихъ снова былъ сходъ. Собралъ его Господь, и вотъ по какому поводу.—Прежде онъ и нечистый были братьями. Однажды они поспорили между собой и нечистому удалось отнять себѣ у Бога довольно много людей. Богу захотѣлось вернуть себѣ этихъ людей—вотъ онъ и созвалъ птичій сходъ, чтобы толькъ придумалъ что нибудь похитрѣе и помочь возвратить отнятыхъ нечистымъ людей. Всѣ птицы уже собрались, а коростель снова позади. Его опять подождали, и черезъ нѣсколько времени онъ явился и, прихрамывая, вошелъ въ юрту. Чудно это показалось ала-гусу, и онъ засмеялся надъ коростелемъ. Тотъ разсердился и побѣжалъ домой. Птицы пробовали было вернуть его,

но ничего не могли съ пимъ подѣлать. Тогда гонцомъ къ нему послали ласточку. Она прилетѣла и начада звать его, но онъ былъ очень разсерженъ и ничего не отвѣчалъ ей. Ласточка прилетѣла обратно и передала, что коростель сердится и не хочетъ пдти. Богъ снова послалъ ее за коростелемъ и велѣлъ ей издали послушать, о чмъ будетъ говорить самъ съ собой коростель. Ласточка снова прилетѣла и стала слушать. «Что и за народъ такой сталъ нынче, брачился коростель,—насъ, птицъ, ужъ ни за кого не считаютъ. Вотъ какъ нужно устроить все это дѣло: нужно отвезти къ нечистому зеркало и предложить ему поймать въ руки и посадить около себя то, что онъ въ немъ увидитъ или же предложить ему поймать свою тѣнь. Если онъ не исполнитъ этого, то его дѣло будетъ проиграно» Ласточка подетѣла обратно и въ точности передала слова коростеля. Тогда Богъ обратилъ ала-гуса въ сороку (прежде это была большая птица), а ея сизыя перья раздѣлилъ между всѣми птицами. Съ нечистымъ же онъ поступиль по словамъ коростела, и такъ какъ нечистый не смогъ ни поймать того, что видѣлось въ зеркаль, ни своей тѣни, то ему и пришлось возвратить Богу отнятыхъ имъ у него людей.

3.

Агой Аттыг Ах-ханъ.

(Записано со словъ И. Т. Щетинина).

Жили-были старикъ Ах-ханъ (бѣлый ханъ) и старуха Агалан-ко. У старика былъ конь свѣтло-голубой масти (агой-ат). Дѣтей у нихъ не было. Старикъ былъ ханомъ, смолоду много воеваль, много земель себѣ покориль, а самъ никому не покорялся. Пришла старость, дѣтей нѣть, что дѣлать старому? Онъ затосковалъ, закручинился о томъ, что нѣть дѣтей. И вотъ однажды сказалъ своей старухѣ, что поѣдетъ, кудѣ, глаза глядять, а все имущество пусть такъ остается. А имущества у него было много: были и деньги, и скотъ, и люди. Старуха попробовала было остановить его: «Подожди, старикъ, можетъ быть Господь и вспомнитъ о насть на старости лѣть и пошлетъ намъ дѣтей». Но старикъ ничего не захотѣлъ слушать, взялъ своего богатырского бѣло-голубаго коня, осѣдалъ его и поѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ остановился на высокой горѣ и взглянуль впередъ по дорогѣ. И видѣть: что-то маячитъ посреди степи. Глаза у него были плохи, сколько онъ ни присматривался, ничего не могъ разсмотрѣть хорошенько. А между тѣмъ что-то бѣжитъ къ нему на встрѣчу, только онъ не можетъ узнать. Постояль старикъ, подумаль, взялъ лукъ и стрѣлы, натянуль тетиву и выстрѣлилъ. Только онъ успѣль выстрѣлить, какъ узналъ, что это была ку-гат (яга-баба), бѣжавшая ему на встрѣчу. Баба-яга не допустила стрѣлы до себя, перехватила ее на лету и разломила пополамъ. Прибѣжала она разсерженая и спросила: «зачѣмъ ты стрѣлять въ меня?—А ты зачѣмъ мѣшашь мнѣ, стояишь на моей дорогѣ?

Послѣ этого они схватились и начали биться по богатырски. Много ли—мало ли, они бились, въ концѣ концовъ Ах-ханъ не устоялъ, такъ какъ былъ уже старъ, и баба-яга побѣдila его. Когда онъ увидаль, что начинаетъ ослабѣвать, то сталъ просить бабу-ягу отпустить и не бить его. «Я отпушу тебя съ тѣмъ условіемъ, отвѣчала та, если ты мнѣ пообѣщаешь то, что мнѣ нужно отъ тебя».—Что же нужно тебѣ отъ меня, я не знаю. «Ты ужъ только пообѣщай, что отдашь». Нечего дѣлать, согласился старикъ: «Бери все, что хочешь, только отпусти меня». Баба-яга отпустила его и побѣжала по дорогѣ къ его дому, старикъ же сѣль на коня и поѣхалъ своимъ путемъ. Скоро онъ оставилъ позади себя много горъ и степей и снова очутился на высокой горѣ, остановился и вдругъ услыхалъ позади себя конскій топотъ: точно кто-то Ѣдетъ вслѣдъ за нимъ. Это былъ подчиненный ему богатырь, по имени Кулаттыг (саврасый конь) кулатай, посланный старухой за нимъ въ погоню. Кулатай поклонился старику и сказалъ, что его жена велѣла ему бхать вслѣдъ за Ах-ханомъ и передать ему что у него родилось двое сыновей близнецовыхъ. Бѣлый ханъ не повѣрилъ этому,

такъ какъ имъ съ женой было уже по 100 лѣтъ и дѣтей у нихъ быть не могло. Тогда Кулатай взялъ его коня за поводъ (чумбуръ) и насильно повертилъ назадъ. Всю дорогу кулатай убѣждать хана. Когда они прѣѣхали домой, то нашли жену хана въ постели и рядомъ съ ней двухъ мальчиковъ, завернутыхъ въ пеленки. А ханъ это смотрѣлъ на нихъ и сказалъ: «Въ наши годы не могутъ рождаться дѣти; видно все попробовала было уговорить его. «Можетъ быть смолоду мы недостойны были», сказала она, «и только теперь Господу было угодно наградить насъ». Но ханъ не повѣрилъ ей и рѣшилъ погубить мальчиковъ. Онь велѣлъ Кулатаю отвести ихъ на гору и тамъ убить и зарыть въ землю. Тотъ взялъ ихъ и вынесъ на улицу, а дальше тащить не въ силахъ. «Не можетъ быть, чтобы дѣти, посланные Богомъ, были такими тѣжелыми», сказъ на это Ах-ханъ. Долго провозился богатырь съ дѣтьми, а въ это время приѣждала во дворъ баба-яга и сказала хану: «Вотъ это самое и было мнѣ нужно. Дай мнѣ одного изъ этихъ мальчиковъ». «Возьми любого изъ нихъ, а если хочешь и обоихъ». Баба-яга схватила одного изъ мальчиковъ и побѣжала своей дорогой, а мать ихъ принялась горько плакать. Ханъ наказалъ ее за это плеткой и приказалъ Кулатаю другому мальчику отрубить голову. Богатырь взялъ мальчика и понесъ его на гору. Тамъ ему стало жаль его убивать и онъ выкопалъ ему яму, опустилъ въ нее ребенка, накрылъ его досками, а сверху наложилъ камней. Пріѣда же въ улусъ, онъ сказалъ, что убилъ и зарылъ мальчика въ землю. Ханъ повѣрилъ ему и похвалилъ за исполненное порученіе. Когда же наступилъ вечеръ, Кулатай крадучись налилъ въ чашку молока и отправился на гору накормить ребенка, чтобы онъ не умеръ съ голоду въ своей ямѣ. Такъ въ теченіе иѣкотораго времени онъ самъ тайно носилъ єду и кормилъ ребенка. Ребенокъ росъ и въ концѣ концовъ началъ шевелить руками и ногами. Тогда Кулатай вытащилъ его изъ ямы и велѣлъ идти подальше отъ тѣхъ мѣсть. Затѣмъ онъ рассказалъ ему, какъ спасъ его отъ смерти и сказалъ, что царь убеть его, если узнаетъ всю правду. «Уходи же подальше отсюда, до тѣхъ поръ, пока ноги несутъ. Когда нибудь Господь вспомнитъ о тебѣ и ты сдѣлаешься человѣкомъ». Мальчикъ пошелъ, самъ не зная куда, стараясь только уйти какъ можно дальше. Много ли, мало ли онъ шелъ такимъ образомъ; въ концѣ концовъ онъ очень усталъ и не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой. Некуда ему было приклонить голову и онъ сунулсяничкомъ на землю и лежитъ. Смотрѣть—на встрѣчу ему идетъ человѣкъ съ бѣлой бородой и волосами, съ виду какъ будто нищій. Нищій подошелъ и спросилъ: «Зачѣмъ ты лежишь здѣсь, мальчикъ?»

— Лежу я здѣсь, дѣдушка, поневолѣ, мнѣ приходится оберегаться отъ отца и дальше идти я не въ силахъ. Старикъ вынулъ изъ своего мѣшка поль калача и далъ его мальчику: «Сѣшь, дитятко, вижу я, что ты совсѣмъ умираешь». Мальчикъ взялъ поль калача, сѣѣль его и вдругъ почувствовалъ себя вполнѣ сытымъ и выросшимъ и ощутилъ въ себѣ большую силу. Онъ сразу сдѣлался богатыремъ. «Спасибо тебѣ, дѣдушка, что накормилъ меня, я самъ вижу, что сдѣлался теперь богатыремъ». «Теперь живи, дитятко, помни Бога и будь богатыремъ», сказъ на это нищій. «Нельзя ли гдѣ, дѣдушка, достать мнѣ богатырскаго коня? Старикъ свиснулъ и вдругъ передъ ними появился настоящій богатырскій конь коурой масти. Тогда мальчикъ обратился къ старику съ такими словами: «Ты, дѣдушка, надѣлилъ меня всякимъ добромъ, дай-же мнѣ теперь и имя, какимъ меня будутъ называть люди». — Ах-кораттыг (бѣлкоурый конь) алтын (золотой) сулаеын—вотъ имя твое, сказъ старикъ. — Теперь у мальчика было все сполна: и конь, и сѣѧло, и лукъ со стрѣлами, и одежда богатырская—кольчуга (темир-куях—желѣзная рубашка). Онъ надѣль на себя кольчугу и сѣѧль на коня. «Сдѣлай для меня еще одно, дѣдушка! Мнѣ сказали, что у меня былъ еще одинъ братъ, да его унесла баба-яга. Скажи, гдѣ мнѣ найти его? — Будешь єздить—найдешь, отвѣчалъ старикъ. Только до того времени тебѣ не дожить. Отецъ твой много проклиналъ тебя и ты три раза вмѣстѣ съ конемъ будешь обращенъ въ камень». — Чѣмъ я отплачу тебѣ, дѣдушка, за все твоё добро? Садись со мной на коня и я подвезу тебя, куда тебѣ нужно. «Не сѣсть мнѣ на твоего коня; если же ты такъ хочешь стѣлать что-нибудь для меня, то подвези мѣшокъ». Богатырь тотчасъ же схватился за

мѣшокъ и, не смотря на то, что онъ съ виду былъ, какъ пустой, не могъ поднять его. Ему удалось это сдѣлать только послѣ трехъ разъ. Онъ подвезъ его всего лишь около 100 сажень, когда старикъ сказалъ ему: «Теперь будешь, я остался доводить тобой». Здесь они распостились. «Живи хорошо, сказалъ старикъ, теперь тебя никто не поборетъ и ты самъ сумѣешь устроить свою жизнь на свѣтѣ. Я же слѣдалъ для тебя все, что могъ». Богатырь поѣхалъ впередъ искать своего брата, а старикъ исчезъ неизвѣстно куда.

Много ли, мало ли времени проѣздилъ Алтын-сулазын по свѣту въ поискахъ за братомъ, по наступило время, и онъ окаменѣлъ вмѣстѣ со своимъ конемъ. Послѣ этого до трехъ разъ онъ дѣлался каменнымъ, и камни слетали съ него въ первый разъ—на третій день, во второй разъ—на шестой, а въ третій разъ—неизвѣстно когда, такъ онъ и остался на мѣстѣ. Послѣ же иѣкотораго времени онъ снова сдѣлался человѣкомъ.

Между тѣмъ баба-яга унесла второго ребенка подъ землю и тамъ воспитывала его ни сытымъ, ни голоднымъ. Много мучился онъ тамъ и не могъ рости на томъ свѣтѣ, Тогда она увезла его къ себѣ въ дѣти. Однажды баба-яга куда-то уѣжала, и мальчикъ остался одинъ. «Лучше будетъ мнѣ пробраться къ себѣ на родину, подумалъ онъ, здѣсь мнѣ совсѣмъ трудно. Только вотъ выѣхать мнѣ не на комъ, пѣшкомъ же меня баба-яга догонитъ и убьетъ». И онъ не зналъ какъ-бы ему ухитриться и бѣжать изъ подземнаго царства. Наконецъ онъ придумалъ: рѣшилъ отворять каменные амбары бабы-яги, такъ какъ зналъ, где хранятся у нея ключи и посмотрѣть, что въ нихъ находится. Въ амбарахъ онъ увидѣлъ много одеждъ, золота, серебра и другихъ накопленныхъ богатствъ. Наконецъ, онъ отомкнулъ послѣдній амбаръ и увидѣлъ: стоять въ немъ два коня богатырскихъ, одинъ рыжій, другой гиѣдой масти, и оба прикованы цѣпями. Мальчикъ не зналъ какъ-бы ему взять этихъ коней и уѣхать на нихъ на свою сторону. Въ концѣ концовъ онъ вынулъ свой плоховатый ножикъ, разрубилъ имъ цѣпи и вывелъ коней изъ амбара. Напоивъ и накормивъ ихъ обоихъ, онъ сѣлъ на гиѣдого, а рыжаго повелъ рядомъ и поѣхалъ съ того свѣта на свою сторону. Только что успѣлъ онъ выѣхать оттуда и доѣхать до этого свѣта, какъ слышитъ топотъ позади себя. Оглянулся и видѣть єдетъ баба-яга въ погоню за нимъ. Не успѣлъ онъ глазомъ моргнуть, какъ она взмахнула саблей (кылыс) и отсѣкла задъ у его гиѣдого коня. Передокъ коня успѣлъ отскочить еще сажень на пять впередъ и мальчикъ перескоchилъ съ него на ходу на рыжаго коня и снова началъ уѣзжать отъ погони. А баба-яга все єдетъ за нимъ и кричитъ ему вслѣдъ: «Дитятко родное, остановись! Куда ты ни уѣдешь, а я всетаки разыщу тебя повсюду». Тогда онъ остановился и началъ биться съ ней. Много ли, мало ли времени бились они—вдругъ прїѣзжаетъ его окаменѣвшій и вновь ожившій братъ (ему какъ разъ пришло время ожить), схватываетъ бабу-ягу и связываетъ у нея вмѣстѣ руки и ноги. Потомъ братья натаскали дровъ, сложили большой костеръ и сожгли на немъ бабу-ягу. Въ концѣ концовъ оба они узнали другъ друга, поздоровались, заплакали и вмѣстѣ поѣхали домой. Дома они застали отца съ матерью еще въ живыхъ, только такими старыми, что они совсѣмъ не могли двигаться. Кулатай завѣдывалъ у нихъ весь хозяйствомъ и добромъ. Братья пожили у родителей иѣкоторое время. Потомъ Алтын-сулазын задумалъ жениться. Кулатай научилъ его, где найти невѣstu: «Поѣзжай, тамъ за девятью морями и за девятью горами есть дѣвушка, которая сама царствуетъ и управляетъ своимъ народомъ, зовутъ ее кызыл (красный) кораттыг (коурый конь) кыс-хан (дѣвушка-царь). Она не захочетъ уступить тебѣ, и вы начнете бороться съ ней, силу пробовать. Наконецъ у нея не хватитъ силы и ты поборешь ее. Тогда съ неба къ вамъ упадетъ исписанный листъ, который вы прочтете вмѣстѣ, въ немъ будетъ сказано, что Господь велитъ тебѣ жениться на ней, а ей выходить за тебя замужъ. Кыс-хан смирится тогда». Алтын-сулазын надѣлъ свою кольчугу, взялъ свой лукъ со стрѣлами и весь остальной богатырскій нарядъ и собрался єхать. Скоро онъ проѣхалъ всѣ моря и горы и доѣхалъ до жилища кыс-хана. Смотрѣть съ горы и видѣть у столба стоять ея добрый красно-коурый конь, а рядомъ быть конь богатыря, ея главнаго управителя, смотрѣвшаго за скотомъ. Алтын-сулазын

зы и соскочил со своего белокоурого коня, тряхнул его за холку и онъ сѣлся маленький жеребенкомъ-лончакомъ, худымъ, съ торчащей косматой шерстью. Встряхнулся самъ и превратился въ маленькаго мальчика, сопливаго и певзрачнаго, сѣль на своего жеребенка и поѣхалъ въ улусъ къ царевнѣ. Пріѣхавъ къ ней на дворь, онъ привязалъ жеребенка за хвостъ къ дровамъ, а самъ пошелъ въ юрту. Тамъ онъ сѣль на лавку и началъ утиратъ кулакомъ свой носъ. Царевна находилась въ это время въ юртѣ и была окружена своими служанками, которыхъ прислуживали ей. Увидавъ мальчика, она обратилась къ служанкамъ съ такими словами: «Что за собака забѣжалъ въ мою юрту. Выгоните его поскорѣй». А мальчикъ на это въ отвѣтъ: «Развѣ у васъ такія собаки бываются, а у насъ такихъ нѣть». Эти слова показались царевнѣ обидными и она приказала своимъ девушки выгнать его воинъ. Девушки всѣ вмѣстѣ взялись за него, но онъ уперся и не шель съ места, и онѣ ничего не могли съ нимъ подѣлать. Тогда царевна принялась сама выталкивать его на улицу, а онъ взялъ и повелъ ее за собой. Вышли они на улицу, поднялись на ту гору, где онъ обернулся мальчикомъ, и начали биться по настоящему, по богатырски. Такимъ образомъ они бились три дня, наконецъ она устала и была не въ силахъ продолжать бой. Тогда онъ притворился, что и онъ также усталъ. Въ это время съ неба спустился къ нимъ листъ и на немъ было написано, чтобы кыс-ханъ шла замужъ за Алтын-сулазынъ. Когда она узнала объ этомъ, то все свое имущество отдала на храненіе своему пастуху, а сама уѣхала послѣ девичника. Пріѣхавъ домой, Алтын-сулазынъ и Кыс-ханъ отпраздновали свою свадьбу.

Затѣмъ второй братъ попросилъ Кулата, котораго считалъ своимъ дядей, дать ему имя. Кулатай отвѣчалъ на это такъ: «выйди отсюда пѣшкомъ, тебѣ попадется высокая гора, а на ней ты увидишь березу съ серебряной корой и золотыми листьями. Къ этой березѣ будетъ привязанъ конь съ голубой сбруей; когда ты придешь туда, возьми себѣ этого коня, онъ долженъ быть твоимъ и по коню тебя будутъ называть: агойаттыг (бело-голубой конь) алтын (золотой) сугсул. На березѣ же ты увидишь кукушку; когда она закукуетъ такъ, что вездѣ будетъ слышно, ты долженъ поймать ее живой, но не стрѣляй въ нее и не убивай. Это твоя невѣста. Когда ты поймаешь кукушку, то она превратится въ девушку. У нея также есть свой конь ах-сабдыраттыг (блогривый третій конь), имя же ея ах-сабдыраттыг-ай (чистый) ярых (месяцъ). Парень отправился пѣшкомъ и съ нимъ все случилось такъ, какъ сказала Кулатай. На горѣ оказалась береза, а къ березѣ былъ привязанъ конь. Алтын-сугсул отвезъ его и сказалъ, обращаясь къ кукушкѣ: «Что же ты сидишь и не кукуешь?» Кукушка вспорхнула, закуковала, обернулась красивой девушкой и спустилась съ дерева. Ея конь оказался привязаннымъ здѣсь же. Они поздоровались, сѣли на коней и поѣхали домой. А тамъ имъ уже новую юрту выстроили. Они распорядились со своей прислугой, сыграли свадьбу и стали спокойно жить и добра наживать.

4.

(Записано со словъ качинки Маныки Спириной 70—80 лѣтъ. Спирина улусъ близъ озера Шира).

Около белаго моря жилъ братъ съ сестрой. Оба они были богаты и у нихъ было много скота и людей. Сестру звали Ах-чобек (белый шелкъ) и у нея былъ белый конь (ах-ат), приведенный съ блогорья. Брата же звали Айджиджиль и у него былъ конь. Однажды утромъ сестра пришла къ брату, сѣла и начала плакать. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ у нея Айджиджиль. Ах-чобек отвѣчала ему такъ: «Я знаю твою суженую. Она живеть за девятью морями отсюда у золотого царя (Алтын-ханъ); зовутъ ее Алтын-бос (золотая коса). Въ настоящее время се собирается взять за себя богатырь съ того свѣта по имени Кара (черногривый черный) хулаттыг (саврасый конь) каттыг (твердый) тас (камень).

Собирайся же теперь поскорѣе и поѣзжай къ ней. Все равно здѣсь ли будешь жить или туда поѣдешь — не минуешь каттыг-таса. Это сильный богатырь и онъ всѣхъ можетъ побить. Когда ты поѣдешь къ невѣстѣ, тебѣ попадется на чистой степи юрта, висящая прямо въ воздухѣ, а около нея у столба будетъ привязанъ темно-бурый конь, осѣдланный женскимъ шитымъ шелкомъ и золотомъ сѣдломъ. Смотри, не останавливайся тамъ и не прикасайся къ немъ; нечистый приметъ этотъ видъ и, если ты зайдешь туда, то тебѣ будетъ плохо».

Айджиджиль собрался и поѣхалъ. Вскорѣ онъ доѣхалъ до той юрты, о которой говорила ему сестра. Тамъ онъ увидѣлъ привязаннаго къ столбу коня, залюбовался имъ и подумалъ, что сестра нарочно предостерегала отъ этой юрты. Когда онъ подѣхалъ еще ближе, на встрѣчу ему изъ юрты вышла дѣвица, да такая красава, что онъ не могъ устоять передъ ея красотой. Дѣвица подошла къ нему, взяла за руку, обошлась съ нимъ, какъ съ самимъ дорогимъ гостемъ, и провела въ юрту. Тамъ она начала угождать Айджиджилю и развлекать его разговорами и онъ такъ влюбился въ неё, что захотѣлъ взять ее за себя замужъ. «Навѣрное дочь Алтын-хана ничѣмъ не лучше этой дѣвицы», подумалъ онъ. И Айджиджиль прожилъ тутъ не мало времени не смотря на то, что сестра предостерегала его, что это злой духъ, а не человѣкъ. Однажды въ то время, когда они сидѣли вмѣстѣ и разговаривали, послышался такой стукъ, что Айджиджиль испугался. Когда же онъ пришелъ въ себя, глядь — около него никого уже неѣтъ: ни юрты, ни дѣвушки, ни коня, стоять только одинъ его игрушій конь. Онъ подошелъ къ столбу и видѣлъ, что въ немъ засѣла стрѣла богатырская. Айджиджиль вынуль стрѣлу изъ столба и увидѣлъ, что на ней была какая-то надпись. Эта надпись оказалась стъ его сестры: «Зачѣмъ мой братъ знается съ нечистымъ, писала она, пусть лучше онъ ёдетъ дальше. Дорогой ему попадется сильный богатырь Ай (мѣсяцъ) сарых (оловой, желтый) ханъ, у которого есть дочь Ай-ярых (чистый мѣсяцъ). Айджиджиль сѣль на коня и доѣхалъ до высокой горы. Смотреть съ неї впередъ, и видѣть весь улусъ Ай-сарых-хана, стоять въ немъ двѣ юрты, изъ которыхъ одна тоже виситъ на воздухѣ, около юртъ вкопанъ столбъ, зъ къ столбу привязанъ старый престарый конь соловой масти. Здѣсь онъ остановился по совѣту сестры и вошелъ въ большую юрту, что стояла на землѣ. Въ ней онъ увидѣлъ старого богатыря Ай-сарых хана и его старуху, которые принялись угождать его и разспрашивывать: откуда онъ, кто будетъ и надолго ли прїѣхать въ ихъ мѣста? Айджиджиль рассказалъ все по порядку, сказалъ, кто онъ и кто его отецъ. При этихъ словахъ Ай-сарых-ханъ вдругъ вскочилъ со своего мѣста и сказалъ Айджиджилю: «Да вѣдь твой отецъ Ах-ханъ мой первый и лучшій другъ. Очего же ты такъ медлишь до сихъ поръ? Знаешь ли, что тебѣ нужно еще за три моря ёхать, а между тѣмъ Каттыг-тас давно уже собирается увезти твою невѣсту и его всячески и уговариваньями, и виномъ удерживаютъ, пока ты не прїѣхалъ. Тебя тамъ давно уже ждутъ. Ступай же сейчасъ къ моей дочери, она все на свѣтѣ знаетъ и разскажетъ тебѣ о томъ, какъ туда прїѣхать и жениться». Айджиджиль пошелъ къ дочери хана и она посовѣтовала ему прїѣхать въ улусъ невѣсты не подъ своимъ вѣdomъ, а превратившись въ кого-нибудь. Такъ онъ и сдѣлалъ. На горѣ, не доѣзжая до улуса, онъ обернуль своего коня въ дудку, а самъ сдѣлался мухой и полетѣлъ въ улусъ. Долго леталъ онъ надъ улусомъ и высмотрѣлъ все, что тамъ дѣжалось. Каттыг-тас въ это время спалъ крѣпкимъ сномъ и по всему улусу разносился его сильный храпъ. Айджиджиль увидѣлъ на нижнемъ краю улуса небольшую юрту, сдѣланную изъ назема, со множествомъ щелей и отверстій, сквозь которыхъ виднѣлся горѣвшій внутри огонь. Живо подлетѣлъ онъ къ этой юрѣ, сѣль на трубу и началъ слушать. Ему видно, что тамъ сидѣтъ старуха и огонь раскладывается, а старикъ грѣеть спину около огня и вся она у него въ коростахъ. «Третью ночь ты не даешь мнѣ спать, все огонь раскладываешь» ворчить старикъ. — Какой тутъ сонъ, когда богатырь съ того свѣта хочетъ увезти единственную дочь нашего царя, а она между тѣмъ суженая Айджиджилля. (Старуха не догадывается, что самъ Айджиджиль сидѣть на трубѣ ихъ юрты). Что бы еху теперь прїѣхать и увезти тайкомъ свою невѣсту. Ее нужно довезти только до улуса Ай-сарых-хана, потому что близко отъ него есть бѣлая гора съ шестью горками и

тамъ находится твердая земля, которая можетъ устоять во время богатырского боя». «Я что то забыла, какъ зовутъ тебя?» вдругъ обратилась къ старику старуха, а онъ былъ глухъ и не сразу понялъ, о чмъ его спрашиваютъ. Въ концѣ концовъ онъ сказъ, что зовутъ его Чаргычи-хан (законное разбирательство, судьи-хан), старуху же звали Чаралыг-арых (чистый). Выслушавъ весь этотъ разговоръ, Айджиджиль подле-тѣль прямо къ юртѣ невѣсты, сѣлъ снова на трубу (типюк), заглянула винзъ и увидѣла въ юртѣ многихъ дѣвушекъ, которыхъ вели игры съ царевной. Она узнала, что онъ здѣсь и приказала своимъ подругамъ разойтись: «Пора, уже свѣтѣеть, вѣтъ Каттыг-тас увезетъ меня къ себѣ». Когда же дѣвушки разошлись, Айджиджиль превратился въ человѣка и вошелъ въ юрту. Тогда они говорились, взявшись за руки и убѣжали. Едва они успѣли пробѣжать небольшое пространство, какъ услыхали, что земля затряслась. Тѣмъ не менѣе они успѣли добраться до Ай-сарых-хана, вѣхали на твердую землю и стали ждать на ней. Здѣсь ихъ и нагнѣлъ Каттыг-тас. Царевна обернулась птицей, за нею прилетѣла сюда дочь Ай-сарых-хана, также превратившаяся въ птицу и онѣ вмѣстѣ начали въ большомъ горѣ летать и кружиться надъ этимъ мѣстомъ. Войско Каттыг-таса начало выходить изъ подъ земли и набрасывалось на него тьма тьмущая. Появились и люди Ай-сарых-хана и началась у нихъ битва. У невѣсты былъ братъ Ах-молат (блѣдая сталь) и онъ также былъ изъ числа сражавшихся. Пока бились богатыри дочь Ай-сарых-хана, Ай-ярых, все летала по воздуху; видѣть она, что слабѣетъ Айджиджиль, трудно ему дольше держаться, вѣтъ его побѣдить. Тогда она передала невѣстѣ игреняго коня Айджиджилия, а сама отправилась подъ землю. Пошла она туда съ блѣдой горы, спустилась до самаго дна и начала снова подниматься по прокопанному отверстію, которое ей тамъ попалось. Это отверстіе привело ее вверхъ на ту же самую блѣдую гору. Видѣть Ай-ярых сидѣть у отверстія баба-яга и придетъ прыжку, она прокопалась наружу и вытягивала своей прыжкой всю силу Айджиджилия. Оттого-то онѣ и началь ослабѣвать. Старуха эта была мать Каттыг-таса и звали ее тогыс-хадл (девятирядный) кара (черный) карын-найыг (кожень) куй (баба) и ей (старуха). Ай-ярых позвала Алтын-бос (невѣсту) и онѣ взяли съ собой и игряного коня. «Есть ли у тебя достаточно силы, спросила Ай-ярых, утащимъ ли мы вмѣстѣ бабу-ягу?» Алтын-бос отвѣчала, что силы (кучюм) у нея достаточно и что она можетъ тащить. Скоро овѣ пришли къ тому мѣсту, где сидѣла за прыжкой баба-яга, столкнули ее въ отверстіе и спустились туда сами. Коня же онѣ оставили на поверхности, привязали бабу-ягу къ его хвосту и вытащили ее на этотъ свѣтъ изъ подземнаго царства. Тутъ онѣ натаскали дровъ и начали ее жечь на огнѣ.

Тѣмъ временемъ Айджиджиль бился съ Каттыг-тасомъ. Въ концѣ концовъ онъ очень утомился и Каттыг-тасъ былъ готовъ убить его. Тогда Айджиджиль началъ звать къ себѣ сестру свою Ахъ-чобекъ: «Пріѣзжай, сестра, ко мнѣ, я не въ силахъ дальше держаться и скоро умру!» Сестра услыхала его зовъ и тотчасъ же къ нему явилась. Она быстро соскочила съ коня и начала биться съ Каттыг-тасомъ. Они бились целыхъ три дня: ваконецъ она убила его и разбила все его войско, такъ какъ была очень сильна. Одержавъ эту побѣду, Ахъ-чобекъ обратилась къ брату съ такими словами! «Теперь тебѣ нужно жиниться на обѣихъ этихъ дѣвушкахъ, возьми и увези ихъ къ себѣ домой. Я же спущусь сейчасъ въ подземное царство. У той дѣвушки, съ которой ты ночевалъ по дорогѣ къ невѣстѣ, родился отъ тебя ребенокъ, мнѣ вотъ и нужно теперь побороться съ нею и убить этого ребенка. Ничего доброго отъ этой дѣвушки не могло родиться и чего доброго этотъ ребенокъ, выросши, начнетъ еще биться съ нами». Айджиджиль со своими двумя невѣстами покинула домой, а сестра его ушла подъ землю. Когда она дошла до жилища дѣвушки, то увидѣла, что она стоитъ на днѣ моря и представляется шестигольную каменную юрту. Ахъ-чобекъ подошла къ юрѣ, просверлила въ углу небольшое отверстіе и заглянула черезъ него внутрь. Она увидѣла тамъ ту самую дѣвушку, съ которой жила на степи Айджиджиль, мучившуюся родами, такъ какъ пришло ей время. Родившѣ дочь, дѣвушка начала рассказывать бабушкамъ, что она была хорошей дѣвушкой, только баба-яга украла ее еще ребенкомъ у родителей, и вотъ теперь Ахъ-чобекъ считаетъ

ее нечистой. Отцомъ ея былъ Чаргычи-ханъ, а матерью—Чарагыгъ-арыхъ. Потомъ дѣвушка передала вошедшей Ахъ-чобекъ свою дочь: «Вези ее къ отцу, мнѣ ея не нужно, это ваше дитя». Но Ахъ-чобекъ взяла и мать и ребенка и повезла ихъ къ себѣ. Дѣвушку эту звали Алтынъ (золотой) Сабахъ (ушко у пуговицы). Такъ онѣ доѣхали до улуса Айджиджиля. А онъ все тосковалъ по своей первой женѣ и не касался ни до одной изъ двухъ другихъ своихъ женъ. Больше же всего онъ боялся, чтобы сестра не убила любимой имъ дѣвушки. Когда же Ахъ-чобекъ привезла ее вмѣстѣ съ ребенкомъ, то онъ спровадилъ свадьбу и сталъ жить съ тремя женами. Потомъ онъ сѣѣздила за старикомъ Чаргыги-ханомъ и привезъ его вмѣстѣ со старухой къ себѣ. И стали они жить всѣ вмѣстѣ.

Іюль 1898 г.

Записаны А. Кузнецовой.